

HARLEQUIN®

100

Луиза Аллен

ДОКОРИТЬ
МАРКИЗА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Луиза Аллен

Покорить маркиза

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Аллен Л.

Покорить маркиза / Л. Аллен — «Центрполиграф»,
2017 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08674-7

В небольшом английском городке знакомятся молодой маркиз Кэннок, отдыхающий здесь с тоскующей, потерявшей ребенка сестрой, и красавица-вдова Сара. Помогая Кэнноку решить семейные проблемы, женщина увлекается им. Плохо одно. Свободолюбивая, получившая в Индии, где выросла, непривычное для Англии воспитание, Сара отрицает собственнические наклонности маркиза, которые проявились сразу же, как между ними возникла связь. Страстные, но не обременительные отношения быстро перерастают в глубокое чувство. Под влиянием Сары маркиз рискует отказаться от архаичных представлений и полностью меняет свою жизнь.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08674-7

© Аллен Л., 2017

© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Луиза Аллен

Покорить маркиза

Глава 1

Сентябрь 1818 года, Сэндбей, Дорсет

Магазин выглядел очень элегантно – фасад, окрашенный в цвет морской волны с несколькими штрихами позолоты, и сверкающие чистые витрины. Назывался он «Раковина Афродиты», что звучало чуть-чуть фривольно. Луциану никогда не пришло бы в голову появиться в подобном месте, не будь он в полном отчаянии.

Но мистер Л. Дж. Дантон, эсквайр, известный в высшем обществе как Луциан Джон Дантон Эйвери, маркиз Кэннок, как раз и был в отчаянии. Иначе он не находился бы глухой порой в сотне миль от цивилизации на почти никому не известном морском курорте, да еще и в далеко не самое модное время – в середине сентября. И только отчаяние заставило его обратиться за советом к незнакомому человеку, и хозяин респектабельного отеля «Роял Променад» порекомендовал ему это место. Так что Луциан открыл дверь и под нежный перезвон колокольчиков вошел в магазин.

Сара еще раз поправила драпировку и отступила на шаг, чтобы полюбоваться удачно составленной ею композицией: мольберт, палитра, коробка с акварельными красками, набросок морского залива на холсте. Все это удачно дополнялось зонтиком, уложенным среди больших морских раковин и разноцветных камешков всевозможных форм и размеров. Получился натюрморт – глаз не оторвать.

Она одобрительно кивнула. Увидев такую восхитительную картину, покупатели немедленно приобретут все, что нужно для рисования, и ринутся к ближайшему красивому виду, чтобы создать шедевр.

Она добавила еще несколько раковин на полку, где они стояли рядом со стеклянными флаконами с цветным песком и всевозможными шкатулками, баночками и коробочками – все это было призвано возбудить любопытство посетителей магазина. Затем взглянула в другую сторону и убедилась, что книжные полки, стеллаж с рамками для картин и стол с небрежно разбросанными буклетами выглядят соблазнительно непринужденными.

За ее спиной звякнул колокольчик. Сара обернулась, но сразу убрала с лица приветственную улыбку. В магазин вошел вовсе не ее обычный клиент. Это была даже не леди. Посетитель был не только ей незнаком. Он был мужчиной! Улыбка Сары стала прохладной. Она – женщина, достаточно молодая и красивая, чтобы привлекать внимание, но слишком гордая, чтобы показать, что понимает это.

– Доброе утро, сэ.р. Полагаю, вы заблудились. Библиотека и читальный зал находятся через два дома по этой стороне улицы.

Мужчина с любопытством рассматривал интерьер магазина, но, услышав голос Сары, оглянулся и снял шляпу. Да, превосходный представитель своего пола, ничего не скажешь.

– Я искал «Раковину Афродиты», а не библиотеку.

– В таком случае вы ее нашли. Добро пожаловать, сэ.р. Могу я вам помочь?

– Надеюсь, что можете. – Он взглянул на ее руку, увидел обручальное кольцо. – Миссис?.. – Его голос был по-светски холодным и очень уверенным.

Саре был знаком такой тип мужчин. Или, точнее, такая порода. Ее отец был таким. Брат тоже. Хотя эти двое были в чем-то уникальны. Коринфяне – богатые светские львы, – таких

можно узнать с первого взгляда. Идеальные аристократы во всем, обладающие абсолютной уверенностью в себе, которая дается многими поколениями накопленных привилегий. Но вместе с тем они были жесткими людьми, которые неустанно трудились, чтобы быть лучшими в развлечениях своего класса – верховой езде, спорте, войне.

Есть у таких джентльменов деньги или нет, на первый взгляд определить невозможно, поскольку они скорее предпочли бы голодать, чем показаться хотя бы в чем-то небезупречными. Их манеры были совершенными, а отношение к женщинам – своим женщинам – снисходительным и покровительственным. Для них не было ничего важнее чести, а честь этих мужчин была напрямую связана с их женщинами, за которых они были готовы драться на дуэли, чтобы отомстить за малейшее оскорбление.

Такое отношение Саре не нравилось. Она не могла его одобрить. Наоборот, она боялась его. Не одобряла она и их отношения к другим женщинам, с которыми они встречались. К респектабельным женщинам любого класса следовало относиться с любезностью и уважением. Единственным исключением – что касается уважения, хотя любезность все равно должна была присутствовать, – являлись привлекательные вдовы. А Сара точно знала, что была привлекательной вдовой.

Она вызвала в уме образ мужа-собственника.

– Миссис Харкур.

Теплый взгляд, слабые, но очень привлекательные морщинки в уголках глаз, намекавшие на улыбку, позволили Саре понять, о чем он думает.

Он был очень красивым представителем своего вида, решила Сара, сделав над собой усилие, чтобы не позволить таким мыслям отразиться на ее лице. Высокий, прекрасно сложенный мужчина с густыми каштановыми волосами средней длины и карими глазами. Нос с едва заметной горбинкой, решительный подбородок и рот... порочный... опасный. Сара не была уверена, что навело ее на эту мысль, но понимала – смотреть на его рот неразумно.

– Сэр? – Она решила, что молчание слишком затянулось.

– У меня есть сестра. Ей восемнадцать, и у нее слабое здоровье. Ее привезли сюда, в Сэндбей, но здесь ей не нравится.

– Возможно, она скучает?

– Очень скучает, – признался Луциан. Сделав паузу, он счел необходимым дать более развернутое объяснение. – Она недостаточно хорошо себя чувствует для морских купаний. Кроме того, она впервые увидела океан, и его огромность заставляет ее нервничать. Она почти никогда не гуляет по берегу. У нее нет подруг, да и вообще, насколько я понял, здесь очень мало юных леди. Дома, когда она чувствует себя хорошо, то посещает вечеринки и пикники, ходит в театры и по магазинам. И друзья у нее там есть. Здесь она всего этого лишена.

– Вы хотите найти для нее занятие, которое помогло бы ей скоротать время? Понимаю, это действительно может помочь. Она умеет рисовать? Быть может, она придет сюда и сама посмотрит, что мы можем ей предложить?

– Не знаю, – вздохнул Луциан. – Но если ей это предложу я, Маргарет наверняка откажется. – Он закрыл рот и сжал губы, досадуя на самого себя за то, что позволил выказать раздражение.

Итак, юная леди не в ладах с братом. Возможно, она хотела бы остаться в Лондоне с друзьями, хотя закопченный город – не лучшее место для поправки здоровья.

– Тогда я могла бы прийти к ней. Я поделюсь с ней идеями относительно хобби, которые ей могут понравиться, принесу принадлежности для рисования... – Сара указала на созданный ею только что натюрморт. – Что-нибудь определенно соблазнит ее.

– Соблазнение?

Слово, произнесенное негромким бархатным голосом, показалось нежным прикосновением. Он стоял неподвижно, что необычно для человека его габаритов. Почему-то это немного

тревожило, хотя ее друзья-мужчины были такими же спокойными и безмятежными. В таких людях есть сила, чувство своего соответствия любой обстановке и понимание, что им нет необходимости совершать резкие движения, – их присутствие и так не останется незамеченным. Правда, последнее уже не относилось к ее отцу и брату.

– Я был бы вам бесконечно признателен, миссис Харкур. Но кто займется вашим магазином вместо вас? Муж?

А вот это было уже некрасиво: первая допущенная им бестактность. Судя по тому, как уныло дрогнули его красивые губы, посетитель это понял.

– Я вдова, мистер?.. – Сара ожидала услышать титул или знакомое ей родовое имя. Она не узнала мужчину, но это ни о чем не говорило: она выходила в свет только один сезон, прежде чем вышла замуж за Майкла и переехала в Кембридж, так что они вполне могли раньше не встречаться.

– Дантон. – Луциан достал из кармана футляр для визиток и положил на прилавок белый гляцевый прямоугольник. – Мы живем в отеле «Роял Променад».

– Где же еще, – пробормотала Сара. При такой одежде и манерах даже самое лучшее частное жилье в Сэндбее этому человеку не подойдет. Она взяла карточку, взглянула на надпись и удивилась. Простой мистер? Даже без добавления «достопочтенный»?

Из-за занавески, закрывающей дверь в задние комнаты, раздался топот.

– Прошу прощения, сэр. Миссис Фэрзуэлл, не могли бы вы уделить мне минуту?

Следует отдать ему должное, мистер Дантон и глазом не повел, когда в зале появилась Дот, крупная женщина, всю жизнь занимавшаяся тяжелой физической работой. Она нахмурилась, глядя на Луциана, что было обычной для нее реакцией при виде мужчины, находящегося рядом с Сарой. Он ответил ей взглядом, исполненным ледяного безразличия. Дот издала негромкий звук – вроде бы хрюкнула, – как будто он прошел некий тест.

– Я иду вместе с этим джентльменом к его сестре в отель. Пожалуйста, постарайся справиться здесь со всем сама в течение часа. Сегодня я не жду никого, кроме обычных гостей, проходящих к послеполуденному чаю, и к нему должно быть все готово. – Сара показала помощнице визитную карточку. Дот почти не умела читать, но не лишним было дать понять мистеру Дантону, что еще кто-то знает, куда он ее ведет. Она была до безобразия независима, во всяком случае, так считал ее брат Эш, но все же не достаточно безрассудна, чтобы уйти неизвестно куда с незнакомым джентльменом, не приняв никаких мер предосторожности. Особенно с этим джентльменом, который, она была уверена, совершенно не тот, за кого себя выдает.

– Да, я знаю, все готово. Мне осталось только налить в чайник горячей воды. Сэндвичи сделаны, фруктовый кекс и простые булочки для клубничного джема уже в духовке, и мальчишка принес сегодня хороший кусок льда, так что сметана и масло прекрасно охладились. Я сниму фартук и возьму все дела в свои руки. – У нее был сильный акцент – на таком говорили жители Дорсетшира, но все покупатели ее отлично понимали. О таких людях говорят: она сделала себя сама. Если бы судьба распорядилась иначе и Дот родилась не в крошечной рыбацкой лачуге, а где-нибудь в другом месте, возможно, ей удалось добиться бы большего.

– У вас еще и чайная? – спросил мистер Дантон, пока Сара, взяв корзинку, собирала в нее то, что могло пробудить интерес его сестры.

– Мы подаем чай и легкие закуски дважды в неделю. Сюда приходят покупатели, чтобы поработать над своими художественными проектами или написать письма. Они обмениваются идеями и пьют чай. Здесь у нас отличное место, где могут собраться леди, чтобы поболтать, узнать что-то новое.

– И, находясь здесь, они продолжают делать покупки, не так ли?

– Совершенно верно. В конце концов, это бизнес. Дамы советуют друг другу попробовать новое хобби, которое сами уже освоили, и проводят в приятной болтовне несколько часов. Вы готовы?

Сара надела легкую накидку, аккуратно завязала ленты своей потрясающей новой шляпки и взяла ридикюль. Мистер Дантон хотел взять корзинку, но Сара не отдала ее.

– У меня есть специальные люди для этого, так что, спасибо, не утруждайтесь, сэр. Я скоро вернусь, Дот.

Луциан придержал перед ней дверь и снова попытался завладеть корзинкой. Но как только они вышли на улицу, у порога, словно из-под земли, возник Тим Лидл. Этот восьмилетний мальчуган был главной опорой овдовевшей матери, и потому Сара старалась дать ему возможность заработать.

– А вот и ты, Тим. Отнеси, пожалуйста, это в отель.

Она отдала мальчику корзинку, взяла мистера Дантона под руку и искоса взглянула на него из-под полей шляпки.

– Вы же не думали, что я пойду в гостиницу с незнакомым мужчиной без сопровождения?

– Этот мальчонка не сможет защитить вас, если возникнет необходимость.

– Нет? Но если я не вернусь в назначенное время, Тимми сначала устроит шум в отеле, потом сбегает за Дот и, в заключение, приведет констебля – своего троюродного брата.

– Ах, эта грозная Дот. Она уж точно устроит любого мужчину, задумавшего дурное. Достаточно вспомнить ее мускулистые руки и тот взгляд, которым она меня одарила. Она невзлюбила именно меня или выступает против всего мужского пола из принципа?

– Пару лет назад Дот сильно ушибла спину, помочь рыбакам на промысле она больше не могла, поэтому и оказалась в моем магазине. Эта работа стала для нее настоящим спасением, и в благодарность, в которой не было никакой необходимости, она решила охранять меня от возможных домогательств.

Этот монолог должен был заставить мистера Дантона отказаться от флирта... если, конечно, у него было такое намерение. Сара, которой, в общем, нравилось то, что ее сопровождает такой симпатичный элегантный джентльмен (да и опираться на сильную мужскую руку было довольно приятно), позволила молчанию затянуться на пять минут, которые занял путь до отеля.

«Роял Променад» – весьма странное сооружение, состоявшее из нескольких примыкающих друг к другу зданий, соединенных переходами. Их общий фасад был окрашен светло-бежевой краской. На светлом фоне выделялся ярко-синий бордюр и большие позолоченные буквы названия.

Мистер Дантон взял у Тима корзинку и остановился у конторки портье, где хозяин отеля разговаривал с клерком.

– Мистер Уинстенли, будьте любезны, проводите миссис Харкур в нашу гостиную, а я пока схожу за сестрой.

Сара проследовала за хозяином гостиницы в красивую комнату с эркерным окном, выходящим на набережную. Все же с мистером Дантоном что-то не так. Однако, что бы это ни было, оно никак не влияло на мужскую привлекательность этого человека и лишь возбуждало ее любопытство. Он был мужчиной до мозга костей и не остался равнодушным к ней, как к женщине. И Сара ответила ему взаимностью. Теперь главное – не показать этого.

Она устроилась за столом, достала из корзинки альбом и карандаш и начала делать набросок вида из окна. Центром композиции она сделала двух дам, остановившихся поболтать у флагштока. Одна была большая и тучная, другая – маленькая и тощая, и у обеих были крошечные декоративные собачки, которых они водили на шелковых ленточках вместо поводков. Когда дверь открылась, Сара встала и положила альбом – будто случайно, рисунком вверх – на стол.

Вошедшая в комнату молодая женщина, несомненно, была сестрой мистера Дантона. У нее были в точности такие же каштановые волосы и карие глаза, но более прямой нос, да и в

подбородке не было твердости. Она была очень молода, определенно нездорова и пребывала в подавленном настроении.

– Марг... миссис Харкур, позвольте представить вам мою сестру Маргарет. – Луциан нахмурился из-за своей оговорки, а девушка бросила на него недобрый взгляд. – Маргарет, это миссис Харкур. Я сегодня заходил в ее магазин, и она любезно согласилась принести несколько вещей, которые могут тебя заинтересовать.

Мисс Дантон сделала небрежный реверанс и села по другую сторону небольшого круглого стола, установленного в эркере.

Как интересно. Дантон машинально начал представлять ее сестре, что правильно, если девушка занимает высокое положение в обществе. Потом он спохватился и представил девушку ей, более старшей и замужней женщине. Отсюда можно сделать сразу два вывода. Во-первых, он относится к ней как к леди, а не как к хозяйке магазина. Во-вторых, мистер и мисс Дантон на самом деле занимают более высокое положение, чем она, пусть даже он не знает, за кем она была замужем.

А если так, что он делает в Сэндбее и что не так с его сестрой?

Сара вернула на лицо профессиональную улыбку и заговорила – дружелюбным, но не фамильярным тоном, каким она, как правило, общалась с покупателями.

– Доброе утро, мисс Дантон. В моем магазине есть все, чтобы обеспечить интересный досуг для дам. – Встретив ничего не выражающий взгляд, она решила перейти к конкретике. – Я предлагаю самые разные вещи, начиная с молотков, чтобы выбивать окаменелости из скал, до сачков для исследования небольших водоемов.

В глазах молодой женщины мелькнула искра интереса.

– Вы продаете молотки?

– Да. А еще все необходимое для живописи, деревянные шкатулки и рамки для картин и зеркал, которые можно раскрасить или украсить раковинами или резьбой. Ткани и шелк для вышивания, шерсть для вязания, специальные лотки для изготовления картин из морских водорослей, образцы самоделок, книги, журналы... – Она взглядом указала на корзинку. – Возможно, вы захотите взглянуть. А я пока закончу набросок этих двух дам на улице. Они так забавны.

За спиной Сара сделала знак рукой – указала на дверь – в надежде, что мистер Дантон поймет намек. Почти сразу она услышала, как открылась и закрылась дверь. Облегченно вздохнув, она взяла карандаш и альбом и вернулась к рисованию. Когда мужчина вышел из комнаты, ей стало легче дышать. По непонятной причине он, казалось, заполнял собой все пространство вокруг.

Глава 2

Уголкем глаза Сара видела, что Маргарет, немного поколебавшись, начала вяло перебирать предметы в корзине.

– Зачем, скажите на милость, выбивать что-то из скал? – пробормотала она, взяла флакончик с маленькими ракушками, открыла его и высыпала миниатюрные дары моря на ладонь. – И что такое окаменелости?

Сара, не прерывая работу над рисунком, объяснила, что такое окаменелости, и, между прочим, заметила, что иногда бывает удивительно приятно бродить у подножия скалы, нанося сильные удары... по тем или иным предметам. Это раскрепощает, освобождает... и все такое.

– Думаю, у юных леди нечасто появляется возможность что-нибудь как следует стукнуть. Или кого-нибудь.

– Вы правы. Хотя часто очень хочется. – Маргарет взяла молоток и взмахнула им. Несмотря на свою очевидную хрупкость и слабость, она справлялась с ним без труда. – А что можно выудить из мелких водоемов? Только какую-нибудь слизистую гадость.

– Там попадается много красивого, пусть даже некоторые интересные вещи действительно покрыты слизью. Но удовольствие, которое испытываешь, когда, сняв туфли и чулки, опускаешь босые ноги в воду, намного превосходит неприятные ощущения.

– Снять чулки? При всех? – Наконец девушка слегка оживилась.

– На пляже, разумеется. Ну вот и все. Что вы скажете об этом? – Сара повернула альбом к Маргарет и показала ей законченный рисунок.

– О, как здорово! Большая дама с маленькой собачкой и худая – с жирным мопсом. Вы прекрасно рисуете. У меня ни за что не получилось бы так хорошо.

– На самом деле, с точки зрения техники мой рисунок оставляет желать лучшего. Я рисую только для себя и редко показываю свои работы другим.

– Я не знаю, чем бы я хотела заняться. – У девушки снова поникли плечи. – Я не умею рисовать, а вышивание ненавижу.

Это не скука и не каприз, подумала Сара. Девушка словно смотрит в пустоту. Здесь что-то более серьезное, чем плохое настроение после болезни или угрюмая замкнутость из-за того, что ее помимо воли привезли на море.

– Наверное, гувернантка заставляла вас вышивать бесконечные узоры? – Маргарет кивнула, и Сара продолжила. – Я устраиваю у себя в магазине чаепития для дам, которые приносят свои работы – самые разные, обсуждают их и планируют новые проекты. Они пьют чай и едят непозволительно много сладостей. При этом вовсе не обязательно участвовать в разговорах. Некоторые дамы читают, пишут письма или просто слушают, что говорят другие.

– Думаю, они сплетничают о своих ухажерах. – Прелестные губки сжались в тонкую линию.

– Вовсе нет. Мы встречаемся не для того, чтобы поговорить о мужчинах. Мы беседуем о том, что нам интересно. А мужчины далеко не всегда бывают интересными, вы со мной согласны?

– Да. Не всегда. – Маргарет посмотрела на дверь, потом снова начала перебирать вещи в корзинке и достала брошюру. – Что это?

– Это инструкция, как делать картины из морских водорослей. Между прочим, интересное занятие, только хлопотное и мокрое. Сегодня в три часа у нас очередное чаепитие. Если есть желание – приходите. Шесть пенсов за легкие закуски, и вы не обязаны ничего покупать.

– Что вам Луциан сказал обо мне? – неожиданно спросила Маргарет.

Сара поняла, что бедняжка вот-вот расплчется. Что с ней случилось? Нельзя лгать ей. Она сразу поймет. Девочка не глупа.

– Он сказал, что вы здесь, чтобы поправить здоровье, но вам скучно. Он надеется, что я сумею найти для вас занятие, которое вас развлечет. Вы хотели бы вернуться в Лондон? Вы там живете?

– Нет... То есть да, наш городской дом находится в Лондоне. Там живет мой брат. Но я хотела бы сейчас быть во Франции. – Ее карие глаза с припухшими – вероятно, от слез – веками снова уставились в никуда. – Я бы хотела умереть, – прошептала Маргарет очень тихо.

Сара решила сделать вид, что не слышала этого душераздирающего откровения. Что тут можно ответить, кроме никому не нужных банальностей?

– Я никогда не была во Франции. Я выросла в Индии.

– Поэтому у вас такая золотистая кожа? О, простите меня, пожалуйста. Я не должна была высказывать вслух свои личные наблюдения. Это невежливо. Но вы такая красивая.

– Ничего страшного. Вы меня ничем не обидели. Тем более что я на четверть индианка – по матери. Она была принцессой раджпутов.

Похоже, угроза слез миновала.

– Принцесса? А вы содержите магазин?

– Потому что мне это интересно. Когда умер муж, я решила заняться каким-нибудь делом, чтобы освободиться от всего, связанного с моей прошлой жизнью. Помогло.

Все это, вероятно, дойдет до мистера Дантона, или как там его зовут. Хотя ее личность – не тайна в Сэндбее. Зато это нарушит его представление о вдовах. Станет ли он флиртовать с полукровкой, если в ее жилах течет кровь индийских раджей?

Сара взглянула на часы, стоявшие на каминной полке.

– Мне пора идти. Увижу ли я вас сегодня у себя? – Она попыталась задать этот вопрос совершенно нейтральным тоном, словно ей было все равно. Эту девочку заставляют делать то, что пойдет ей на благо, и ее естественная реакция – противодействие, поскольку это дает ей ощущение контроля над собственной жизнью. Все это Саре было слишком хорошо знакомо. Она начала складывать вещи в корзинку.

– Да, спасибо. Брат тоже должен прийти?

– О нет. Мы не допускаем в наш кружок джентльменов. Но он, разумеется, может привести вас и потом встретить.

Наконец Сара добилась улыбки. Слабой, мимолетной, но все же улыбки. Что же могло произойти с этим ребенком? И что не так в ее отношениях с братом?

Они попрощались, и Сара в глубокой задумчивости покинула гостиную. Лишь только за ней закрылась дверь, Луциан, топтавшийся в коридоре, взял у нее из рук корзинку.

– Что она вам сказала?

– Мистер Дантон, думаю, вам лучше самому поговорить с сестрой. Я не посредник между вами и уж точно не нанималась шпионить за ней. – Сара увидела, как напряглось его лицо, заметила искреннюю тревогу в глазах и смягчилась. – Мисс Дантон выразила желание прийти сегодня на чай. В три часа. Вход только для дам.

– Надеюсь, это респектабельные леди... – начал Луциан, но Сара перебила его:

– Вы или доверяете мне, мистер Дантон, или нет. Решите сами. Хорошего вам дня. Надеюсь увидеться с вашей сестрой позже. – Она намеренно сделала акцент на его имени, но не остановилась, чтобы оценить реакцию. – Тим, возьми корзинку, пожалуйста.

Красивая фурия! Луциану неожиданно захотелось отобрать корзинку у мальчишки и лично сопроводить миссис Харкур до магазина. Но он вовремя вспомнил, что находится здесь вовсе не для флирта с хозяйками магазинов, пусть даже умеющими складно говорить. И очень красивыми. Миссис Харкур была сероглазой блондинкой, худошавой, но с роскошной грудью. И еще у нее была необычная золотистая кожа. Вероятно, все дело в примеси итальянской крови. Правда, маленький носик не похож на итальянский. Очень красивая, владеющая собой

женщина, одетая с дорогостоящей простотой. Он не ожидал встретить такую женщину, когда утром зашел в магазин, чтобы поговорить с его владелицей.

Он кивнул швейцару, открывшему ему дверь, перебежал дорогу и прислонился к перилам, отгораживающим обрывистый спуск к берегу. Отсюда он мог наблюдать за миссис Харкур, не опасаясь быть замеченным. У нее была осанка королевы. Владелицам магазинов, как правило, это несвойственно. А когда она находилась рядом, Луциан почувствовал исходящий от нее легкий аромат, показавшийся ему на удивление экзотическим в пахнущем солью и водорослями воздухе маленького приморского городка. Сандаловое дерево и какие-то пряности. Искушение, что ни говори.

Ее голос был не просто вежливым и мелодичным, а речь – грамотной. Так говорили только представители высших слоев общества. Что же могло заставить леди, respectable молодую вдову, стать хозяйкой маленького магазинчика на второразрядном морском курорте, где ее охраняют мальчишка-оборванец и грозная помощница? Все эти мысли вызвали сильную эрекцию.

Как давно он не был с женщиной! Уже и не вспомнишь. Определенно ему было не до женщин с тех пор, как начался кошмар с Маргарет. А значит, больше полугода. Для него это очень много. Став взрослым, он никогда не упускал возможности завести отношения с женщиной. Сначала это были короткие интрижки, потом появились более или менее постоянные любовницы. Луциан всегда старался быть осмотрительным, чтобы не скомпрометировать партнершу и избежать ненужных сложностей. Он носил громкое имя, занимал высокое положение в обществе и всячески старался избежать репутации бабника, которым всю жизнь считался его отец. Ответственность за сестру стала для него еще одним доводом в пользу сдержанности. А поскольку он намеревался в следующем сезоне найти подходящую молодую леди и жениться на ней, то заводить новую любовницу просто не было смысла. Изменять жене он не собирался.

Но полгода – все же очень долгий срок. Неудивительно, что мысль об интрижке казалась ему чрезвычайно привлекательной. Для этого идеально подходила прелестная вдова. А через какое-то время он отсюда уедет, и необременительной связи будет положен легкий конец. Хотя... с этой вдовой было что-то не так. У него уже появилось не слишком приятное ощущение, что она читает его мысли и вовсе не собирается идти ему навстречу в части удовлетворения его мужских желаний.

Миссис Харкур уже почти скрылась из вида. Она шла очень медленно, очевидно, беседуя с мальчишкой, который склонил вихрастую голову набок, глядя на Сару снизу вверх. По непонятной причине столь медленная ходьба казалась нехарактерной для этой женщины. Луциан мог легко представить ее в движении – быстром, резком, опасном.

###

Мужчина вышел из отеля и наблюдает за ней. Сара это чувствовала. Хотя она держала себя в руках и не совершила ошибки – не оглянулась. Она шла медленно: пусть смотрит. Она не станет шарахаться от его взглядов, как нервная девица, и не покажет, как сильно он лишает ее присутствия духа.

– Просто донеси корзинку до магазина и скажи Дот, чтобы она дала тебе два пенса, – приказала она, наблюдая, как мальчишка перекладывает большую корзинку из одной руки в другую.

Ноша не была тяжелой, но нести ее ребенку было неудобно. А сама Сара прошла мимо «Раковины Афродиты» и вошла в городскую библиотеку.

– Доброе утро, мистер Мейкпис.

Джеймс Мейкпис сидел за прилавком и подбирал книги по заказу одного из гостей отеля – за ними как раз пришел посыльный. Мужчина встал, поклонился и снова сел.

– Доброе утро, миссис Харкур. Чем я могу вам помочь? – Он отлично знал, кто она – это знал весь город, – но он, как и другие жители, строго разделял две ее личности – в магазине и в обществе.

– Я бы хотела посмотреть «Книгу пэров», если возможно, мистер Мейкпис.

Будь библиотека пустой, что редко случалось в утренние часы, он назвал бы ее Сарой, а она его – Джеймсом. При этом, застенчиво краснея, предложил бы ей чашку чая. Дальше этого его ухаживания не заходили.

Сара не поощряла его, считая, что это было бы несправедливо по отношению к молодому человеку. За ее плечами уже был один брак с милым, скромным человеком, которого все окружающие считали не от мира сего. И Сара поняла, что далеко не всякий мужчина выдержит ее прямой подход к жизни. Библиотекарь был хорошим другом, всегда добродушным и приветливым, что было вполне достаточно.

– Книга на своем обычном месте наверху, миссис Харкур. Пожалуйста, дайте мне знать, если я еще чем-то могу быть вам полезен.

Сара пробормотала слова благодарности и направилась на второй этаж в читальный зал с большими окнами, из которых открывалась панорама залива. Сюда приходили даже те, кто не увлекался чтением, – полюбоваться изумительным видом. Войдя в читальный зал, она увидела, что несколько человек столпились на балконе, ожидая своей очереди воспользоваться телескопом, два престарелых джентльмена увлеченно спорили, кто первым завладеет свежим номером газеты «Таймс», а две юные леди вышли из абонементов. Каждая прижимала к груди несколько книг, очень похожих на любовные романы.

Сара быстро отыскала знакомый толстый том «Книги пэров» и устроилась за столом. Когда она вышла замуж за Майкла, они сразу переехали в Кембридж, где он должен был занять место преподавателя в одном из колледжей. Так что она ни разу не встречалась с многими членами высшего общества, в том числе и с мистером Дантоном. Тем более что ее семья приехала в Англию из Индии перед самым началом сезона.

«Если бы я собиралась взять другое имя, то постаралась бы, чтобы оно звучало как можно более похожим на мое настоящее, чтобы реагировать без колебаний», – подумала она. Мистеру Дантону, по ее прикидкам, было лет двадцать семь или двадцать восемь. На карточке были только его инициалы – Л. Дж. Но Маргарет называла его Луцианом, и не похоже, чтобы она притворялась. С этого можно начать. Первым делом Сара решила просмотреть маркизов, а потом двигаться вниз по иерархии, тем более что она была уверена: всех графов она знает, по крайней мере, в лицо.

Конечно, существовала возможность, что он – наследник титула, что усложнит поиски. Однако Сара была уверена, что он не младший сын. Этот джентльмен определенно родился с серебряной ложкой – или со всем комплектом столовых приборов – во рту.

Уже на третьей странице Сара обнаружила, что искала: «Луциан Джон Дантон Эйвери, третий маркиз Кэннок, родился в 1790 году. Единственная сестра – Маргарет Антония, родилась в 1800 году. Резиденция – Каллингтон-Парк, Гэмпшир».

Однако почему этот маркиз живет в отеле инкогнито? Нет ничего немодного или неприличного в том, чтобы отправиться на побережье в конце пляжного сезона. Добрая половина высшего общества поступает так же. Правда, ее городок – очень тихое и спокойное место, обычно не привлекающее птиц высокого полета. Тем подавай Брайтон или Уэймут.

Едва ли он скрывается от кредиторов или с ним связан громкий скандал, Сара не пропустила бы эту информацию в газетах, хотя и не увлекалась светскими сплетнями. А если бы пропустила, ее мать подробнейшим образом пересказала бы суть дела в объемистых письмах, в которых было абсолютно все, от криминальных скандалов до тематики лекций в Королевском научном обществе.

Так что анонимность, скорее всего, связана с его сестрой, а поскольку нет ничего постыдного в недомогании – на курорт приезжали для поправки здоровья именно больные люди, – значит, речь идет о каком-то скандале, который следует замять. Бедная девочка! Тогда с ней надо обращаться с большим тактом.

Сара положила «Книгу пэров» на место и пошла вниз по лестнице.

– Нашли, что хотели, миссис Харкур?

Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что невинный вопрос Джеймса заставил ее подпрыгнуть.

– Что? А, да, спасибо.

– Вы будете вечером в зале, миссис Харкур? Там сегодня бал. – Несмотря на застенчивость, Джеймс Мейкпис очень любил танцевать и не пропускал ни одного бала, которые во время сезона устраивали дважды в неделю. Дождавшись ее утвердительного кивка, Джеймс спросил: – Вы оставите для меня танец, миссис Харкур?

– Разумеется. Самый первый. – Конечно, зал, где устраивались балы, был небольшим, да и местный оркестр оставлял желать лучшего, но Сара обожала танцевать. Именно танцев ей больше всего не хватало во время года траура. Да и серьезный маркиз с непроницаемой физиономией едва ли захочет посетить нечто столь фривольное, как бал на побережье.

Луциан всерьез подумывал приказать, чтобы для Маргарет подали портшез, чтобы доставить ее к «Раковине Афродиты». Забавно, но на этом заштатном курорте была предусмотрена подобная услуга. Но когда он предложил ее сестре, она рассмеялась, – по-настоящему весело рассмеялась, – и он не стал настаивать.

Обычно она была печальна и рассержена – на него, конечно. По ее мнению, он был виноват во всем. Именно он, а не тот лоботряс. Все воодушевление, весь неутомимый энтузиазм, которые всегда отличали Маргарет, покинули ее, сменившись безысходной апатией, с которой Луциан, как ни старался, не мог справиться. Теперь в ней не было даже злости, и это пугало Луциана больше всего.

Маргарет была его единственной сестрой, и он прекрасно понимал, что их всегда будут разделять возраст и пол. Его воспитывали намного строже, чем ее, – домашние учителя, инструкторы по верховой езде и фехтованию, тщательно выбранные друзья – только из хороших местных семей. Ему не позволяли забыть, что он – наследник древнего титула, а значит, на нем лежит большая ответственность и у него есть обязанности перед прошлым и будущим. Маргарет была донельзя избалована любившими ее до безумия гувернантками, внушившими ей, что в жизни ее ждут только радости. Неудивительно, что она была убита, раздавлена случившимся.

– Ты хочешь, чтобы меня таскали по улицам, как старую герцогиню! – воскликнула Маргарет, беря брата под руку, как это делала раньше – до своего побега.

– Но ты хотя бы не торопись, – проговорил он, стараясь не показать свою радость. – Все же это крутой подъем.

– Мне когда-нибудь придется снова научиться лазать по горам, – заметила Маргарет, – иначе жизнь станет до отвращения плоской, – сообщила она и раскрыла зонтик.

Что это? Шутка? Намек на каламбур? Возможно, бегство на побережье в конце концов было не такой уж плохой идеей, а он просто слишком нетерпелив и желает получить результаты сразу? Маргарет легко одолела подъем и даже ни разу не остановилась, чтобы перевести дух. На витрины магазинов она поглядывала с проблесками интереса.

Луциан привел сестру в «Раковину Афродиты» и с кажущимся безразличием осмотрел дам, уже собравшихся за длинным столом. Одни занимались какими-то делами, другие болтали друг с другом. Все мельком взглянули на новых гостей и сразу вернулись к прерванным занятиям. Не было никакого повышенного интереса или вульгарного разглядывания. Дамы каза-

лись вполне уважаемыми. Все они оказались хорошо одеты, а их речь свидетельствовала о неплохом образовании. Они были самого разного возраста – от двадцати до шестидесяти лет. По крайней мере, Луциану так показалось.

Миссис Харкур стояла у полок с книгами в руках, беседуя с высокой серьезной женщиной.

– Вы можете писать ваш дневник прямо в книге, а рисунки делать на отдельных листах или использовать только отдельные листы, которые потом можно переплести. Последний вариант, пожалуй, легче, потому что, если вы захотите внести какие-то исправления, лист легко заменить. В любом случае взгляните на это, миссис Прентис.

Она извинилась и подошла к новым гостям.

– Мисс Дантон, мистер Дантон, рада вас видеть. – Она посмотрела на мужчину, и в ее умных серых глазах сверкнул озорной огонек. – С вас шесть пенсов, мистер Дантон.

Луциан снял перчатку, достал из кармана монеты, выбрал одну из них и протянул ей, а не бросил на прилавок. Сара подняла руку, и он положил ей на ладонь монетку, коснувшись кончиками пальцев ее руки. У него снова появилось ощущение, что она видит его насквозь, но Сара моментально прервала контакт и опустила монету на прилавок. Но даже столь мимолетного прикосновения оказалось достаточно, чтобы ощутить мягкость и теплоту ее кожи. Луциан представил, как касается губами этого гладкого искушения...

– Спасибо, сэр. В котором часу вы придете за сестрой? Если вы решите подождать, дальше по этой улице есть отличная библиотека.

Вот как! Значит, подождать в магазине и посмотреть, что здесь происходит, нельзя. Ладно.

– Спасибо, я обязательно воспользуюсь вашим советом, – сказал он с веселой, открытой улыбкой. Ему казалось, что она ждет чего-то более многозначительного, быть может, приглашения к флирту. – Половина пятого тебя устроит, Маргарет?

– М-м-м... что? Ах да, конечно.

Сестра уже увлеченно разглядывала книги на полках. Какая-то женщина средних лет улыбнулась, указала ей на одну из книг и что-то сказала. Маргарет взяла книгу с полки и открыла ее. Луциан поклонился миссис Харкур, надел шляпу и вышел из магазина.

Она определенно таким образом увеличивает спрос, подумал он и направился на поиски библиотеки. Он был счастлив, увидев Маргарет уверенной и увлеченной. Он даже не испытывал раздражения из-за того, что миссис Харкур оказалась устойчива к его заигрываниям. Она – уважаемая леди, занимающая прочное положение в обществе, которое, безусловно, намерена сохранить, а он – джентльмен и не должен ни на чем настаивать, если только женщина сама не позовет его. Хотя жаль, конечно. Он получил большое удовольствие от их молчаливого диалога. Или это была дуэль?

Глава 3

Через два часа Сара наблюдала, как мистер Дантон – про себя она называла его Таинственный маркиз – забрал сестру из магазина и удалился, нагруженный великим множеством больших и малых пакетов. Она предложила, чтобы Маргарет оставила все свои покупки вместе с композицией из ракушек, над которой она уже начала работать, в магазине, а Тим доставит их в отель. Но девушка наотрез отказалась. Она вручила все до единой покупки брату, и тот покорно побрел к отелю, несмотря на очевидный факт, что джентльмену, а тем более маркизу, не пристало ходить по улицам, нагруженным, словно лакей.

Судя по выражению лица Таинственного маркиза, необъятный ворох пакетов – ничто в сравнении с оживлением на лице девушки, с красками жизни, после длительного перерыва вновь появившимися на ее щеках. Сара знала, что этот человек не должен ей нравиться. Или в крайнем случае она должна хранить полное безразличие, поскольку именно таких людей она всеми силами старалась избегать. Но ей поневоле нравилась его трогательная забота о Маргарет.

Она все еще размышляла о брате и сестре – больше, конечно, о брате, если быть честной, – когда закрыла двери магазина, опустила шторы и стала пересчитывать наличные в кассе. А Дот убирала со стола и мыла посуду. Дневная выручка оказалась хорошей, с удовлетворением подумала Сара, внося соответствующие записи в журнал, после чего убрала деньги в сейф. Завтра надо будет сходить в банк.

Не то чтобы она нуждалась в деньгах – нет. Но доходность, по ее мнению, была мерой успеха в бизнесе, а Сара желала добиваться успеха во всех своих делах.

– Вот ты где, голубка моя, – сказала Дот, появляясь из кухни. – Все сделано. Сегодня было много работы, правда? Мне понравилась эта бледная худышка – новая девушка. Прекрасные манеры, грамотная речь. Ей пришлось пережить трудные времена, да поможет ей Бог. Это ужасно – потерять ребенка.

– Что? – Сара так резко встала с дивана, что ударилась головой о висевшую над ним полку. – Что ты хочешь сказать? Откуда ты знаешь?

– Она печальна и горюет, и еще она очень худенькая, но груди у нее большие. Миссис Пайк задела ее, передавая булочки, и девочка поморщилась. У нее, наверное, все еще болят соски, бедняжка. Так было и у меня, когда я потеряла второго ребенка.

– Но она же совсем юная. Ей не больше восемнадцати лет. Ох, Дот, если ты права, это ужасно. Неудивительно, что ее брат так встревожен. К тому же они здесь живут под вымышленными именами. Мы должны позаботиться о ней. Судя по всему, у нее нет ни матери, ни компаньонки – ни одной женщины, с которой она могла бы поговорить. Бьюсь об заклад на этот магазин, ее брат только и думает о том, как убить негодяя, сделавшего ей ребенка, а вовсе не о том, как это повлияло на нее.

Мужчины, принадлежащие к высшим слоям общества, всегда стараются защитить честь своих женщин, независимо от того, хотят этого женщины или нет. В результате мужчины гибнут, а женщины, о которых идет речь, оказываются связанными правилами и ограничениями, о которых так много думают их мужчины. Для них честь – это все. Их честь, сердито сказала себе Сара. Заложники чести – вот кто они. Это помогло ей успокоить собственное чувство вины. Немножко.

Соображения чести убили ее мужа, человека, по ее мнению, стоявшего выше устаревших понятий о женщинах, не имевших права распоряжаться собственной судьбой. Поэтому она оказалась здесь, на безопасном расстоянии от любящей тирании отца и брата. Поэтому она никак не могла отвернуться от Маргарет.

– Мы сделаем для нее все, что сможем. – Дот закуталась в шаль и протопала к двери. – Я иду домой готовить ужин. А потом мы вместе отправимся в «Собаку и макрель». А ты что будешь делать, голубка?

– Танцевать на балу. Я обещала мистеру Мейкпису танец.

– Ты ему очень нравишься. Но он никогда не сделает первый шаг, понимая, что ты – птица не его полета.

– Знаю и потому не поощряю его. Я хочу, чтобы мы остались добрыми друзьями. Но не из-за того, что я принадлежу к другому слою общества. Просто я могу думать о нем только как о друге.

– Бедолага. Он все понимает, и не беспокойся, что ты разобьешь его сердце. Все равно он тебе не подходит. Да и он не сможет составить достойную конкуренцию тому другому, который сейчас появился на сцене.

– О ком ты говоришь? Дот, ты, кажется, собиралась домой.

Только ее помощница не обращала внимания на подобные намеки. Она поудобнее пристроилась к дверному косяку и сообщила:

– Я говорю о мистере Дантоне. Если он простой мистер, то я – герцогиня Девонширская. Ты ему нравишься. Да, его намерения нельзя назвать честными. Но иногда не грех и поразвлечься. Кому будет хуже, если ты получишь немного удовольствия в постели? Ты не девственница и ни с кем не связана словом.

– Дот, прекрати это немедленно. Я и думать не желаю о подобных вещах.

А вот это откровенная ложь. После того как она впервые увидела его, Таинственного маркиза, Сара больше ни о чем не могла думать. Хотя он уже лишился изрядной части ореола таинственности. Ей довольно много известно и о нем, и о его сестре.

– Ну, как знаешь. Желаю тебе хорошо провести время на балу. А если там будет слишком скучно, приходи в «Собаку и макрель». – Дот засмеялась и ушла, а Сара некоторое время стояла неподвижно, не зная, чего ей больше хочется: рассмеяться или заплакать.

Городскому залу для балов было всего год. Он явился детищем ведущих бизнесменов города, которые собирали деньги на его постройку. Они посетили Уэймут и Брайтон в поисках идей и, вернувшись, построили здание, в котором был зал для балов, комната для игры в карты, чайная комната, помещения для отдыха, гардеробные и вестибюль.

Здесь было светло, чисто и немного пахло краской. Зал сразу стал популярным и у гостей курорта, и у местных жителей. Сара, у которой был абонемент на весь сезон, оставила верхнюю одежду в гардеробной и вошла в чайную комнату, где подавали свежий чай. Новые посетители собрались вокруг распорядителя, мистера Флайта, который, заметив Сару, тут же покинул их и с улыбкой направился к ней.

– Дорогая леди Сариса, добро пожаловать.

Она была его самой высокопоставленной гостьей, если, конечно, к ним не решил присоединиться мистер Дантон, причем под своим настоящим именем. Для распорядителя было намного важнее угодить ей, чем любому количеству нетитулованных гостей.

– Мистер Флайт, прошу вас, не отвлекайтесь ради меня. Вы разговаривали с теми леди и джентльменами, они вас ждут. – Она слегка поклонилась, извиняясь перед ожидающими гостями, явно недовольными тем, что их покинули ради нее, и направилась в бальный зал.

Хотя музыканты еще не играли, зал уже начал заполняться. Никто из присутствующих не выказывал модную скуку. Люди оживленно болтали, ожидая начала бала.

Рядом с Сарой возник Джеймс Мейкпис, одетый в свой лучший вечерний костюм. Отчаянно краснея, он проговорил:

– Добрый вечер, леди Сариса. Надеюсь, вы не забыли, что обещали мне первый танец?

– Не забыла.

Она взяла юношу под руку, и они вместе стали прогуливаться по залу, здороваясь со старыми друзьями. На несколько минут они остановились поболтать с местным сквайром, сэром Хамфри Джеймсом, дед которого построил первые дома в Сэндбее, с которых началось развитие города-курорта. Его сын вложил деньги в отель и купальни, а теперешний баронет считал своим святым долгом всячески поддерживать социальную жизнь Сэндбея.

– Вы сегодня обворожительны, миледи. – Сквайр поцеловал Саре руку, шутливо упрекнул молодого библиотекаря за то, что тот полностью завладел вниманием королевы бала, и предупредил ее о предстоящем визите своей сестры.

Когда Луциан вошел в бальный зал в сопровождении мистера Флайта, его внимание сразу привлек смех. Низкий и мелодичный, он будоражил воображение. Луциан почувствовал, как по спине пробежала волна дрожи.

– Мистер Дантон, прошу вас, если вам что-нибудь понадобится, пока вы гостите в нашем городе, или возникнут вопросы, сразу обращайтесь ко мне. В любое время дня и ночи. Пусть наш городок маленький, но мы гордимся тем, что проявляем к нашим гостям максимум внимания. Я могу посоветовать вам, куда поехать, порекомендовать надежные конюшни...

– Кто эта леди? Та, что в изумрудах и платье цвета янтаря? Которая смеется.

Этого не может быть. Хозяйка магазина в драгоценностях и шелках? Возможно, драгоценности поддельные, но Луциан сомневался в этом. Зеленые камни горели вполне натуральным огнем, словно глаза черной пантеры.

– Это, мистер Дантон, наша самая именитая жительница, леди Сариса Харкур, она же леди Сариса Герриард, единственная дочь маркиза Элдонстоуна. – Распорядитель сиял так, словно появление столь высокопоставленной личности – его личная заслуга. – Она вдова, вы понимаете, – добавил он, понизив голос. – Мы помогли ей оправиться от тяжелой утраты.

– Мистер Флайт, не далее как сегодня днем я познакомился с миссис Харкур, как две капли воды похожей на эту леди. – Кто-то затеял с ним игры, и это Луциану совершенно не нравилось.

– Тише, прошу вас, – всполошился мистер Флайт. – Небольшая эксцентричность для высокородной леди вполне простительна, разве нет?

– Вы так считаете? – В понимании Луциана эксцентричные престарелые дамы – это одно, а красивые молодые вдовы – совсем другое.

– О да, конечно! Леди Сариса придает блеск всем социальным и благотворительным мероприятиям нашего города и вполне безобидно развлекается, обеспечивая досуг воспитанным молодым леди. – Он кашлянул и еще больше понизил голос. – Мы во всем помогаем ее светлости, которая живет одна и сохраняет независимость.

О чем думает ее отец, маркиз, Луциан не мог даже представить. Он встречал этого человека и его утонченную волнующую маркизу два года назад, когда семья вернулась в Англию из Индии. Тогда Элдонстоун унаследовал титул. Служащий Вест-Индской компании и его экзотическая супруга, наполовину индианка, вызвали фурор в обществе. Луциан припомнил, что в семье были сын и дочь, но с ними он никогда не встречался. Тогда его срочно вызвали из Лондона к смертному одру отца, и окончание сезона прошло без него.

Леди Сариса унаследовала экзотическую внешность матери, но от отца ей достались светлые волосы и серые глаза, которые контрастировали с медово-золотистой кожей. Какое-то время Луциан раздумывал, не вызвал ли ее брак раскол в семье. Но если так, она явно не осталась без средств, потому что платье и драгоценности куплены не на доходы от небольшого магазинчика.

– Я попрошу вас представить меня этой леди, когда окончится танец, мистер Флайт.

– Конечно, сэра. Буду рад услужить.

Луциан все еще пытался сохранять инкогнито, но он понимал, что Флайт оценил пошив его костюма, манеры и речь и решил, что он достоин знакомства с самой высокопоставленной жительницей Сэндбея.

Луциана изрядно позабавила собственная реакция на ситуацию. Он всегда считал, что ему удается сохранять свою высокую самооценку как личности, в то же время его гордость подпитывалась титулом и положением в обществе; но, похоже, постоянные напоминания отца о том, что причитается маркизу – и что требуется от него, – оставили на нем более сильный отпечаток, чем он думал. Он впервые оказался в обществе в роли простого джентльмена и испытал настоящий шок, уяснив, как сильно ему не нравится пребывание на заднем плане.

Он направился в комнату для игры в карты, не желая, чтобы леди Сара увидела, как он стоит у стены, наблюдая за ней, ожидая ее. Если она решила поиграть, он не станет в этом участвовать, во всяком случае, не будет играть по ее правилам. Но как подойти к ней? Флирт в данном случае вполне приемлем, в этом Луциан не сомневался, но все остальное – другое дело. Эта дама – вовсе не веселая вдова на задворках общества.

Когда танец закончился, Луциан вернулся в бальный зал. Мистер Флайт тут же возник рядом.

– Леди Сариса.

Она обернулась к распорядителю, и Луциан моментально ощутил исходящий от нее аромат. Да, это определенно сандаловое дерево с цитрусовой ноткой. Неповторимым его делал запах теплой женской кожи... хотя последнее, возможно, всего лишь плод его разыгравшегося воображения.

– Мистер Флайт. – Ее губы изогнулись в обольстительной улыбке, а в серых глазах отразились зеленые искорки изумрудов.

– Позвольте представить вам мистера Дантона из Гэмпшира. Мистер Дантон, леди Сариса Харкур.

Луциан поклонился, Сара сделала реверанс. Мистер Флайт удалился, сияя.

– Леди Сариса.

– Милорд.

Ему показалось, что он ослышался.

– Кто я, по-вашему, мадам? Уверен, вы меня с кем-то перепутали.

– Я точно знаю, кто вы, маркиз Кэннок. Вы хотите пригласить меня? Следующий танец у меня как раз свободен.

– Почту за честь, – мрачно сообщил он и, услышав первые такты музыки, предложил ей руку. – Нам надо поговорить, леди Сариса, но не здесь.

– Хорошо. После танца я покажу вам террасу, выходящую на море. Оттуда открывается чудесный вид, и теплыми вечерами там очень хорошо.

– Не сомневаюсь. – Луциан был вынужден сосредоточиться на танце, состоящем из довольно сложных фигур. Он считал шаги и не имел возможности подумать об играх, которые эксцентричные молодые леди могут затеять на залитой лунным светом террасе.

– Мы и сейчас можем поговорить на какие-нибудь общие темы, если только вы не слишком нервный танцор, – предложила Сара. – В таком случае я обязуюсь хранить гробовое молчание. Вы только намекните. Кстати, вы надолго приехали в Сэндбей, мистер Дантон?

– Полагаю, мои нервы выдержат легкую беседу, миссис Харкур.

Сара сдавленно хихикнула. В этот момент очередная фигура танца развела их в разные стороны, и Луциан внезапно понял, что происходящее между ними – вовсе не игра, а нечто более серьезное. Она знала, что он охраняет свою сестру от общества, поскольку возникла какая-то очень серьезная проблема. Луциан понятия не имел, может ли положиться на ее скромность. Кто ее друзья? Кому она может проболтаться? Если ему удастся спасти репу-

тацию Маргарет, в следующем сезоне она должна будет выйти в свет в хорошем настроении и добром здравии, и никто не должен ничего заподозрить. Но даже тогда будет довольно трудно найти жениха, который пожелает не принимать во внимание случившееся, если, конечно, дело дойдет до предложения руки.

Но проблемы следует решать по мере их поступления. А пока надо разобраться с этой женщиной. Этой приводящей в бешенство, вызывающей, прекрасной женщиной.

К тому моменту, как танец окончился, Луциан уже был готов перебросить леди Сарису через плечо и утащить туда, где он сможет заручиться ее обещанием молчать. Титаническим усилием воли ему удалось дождаться окончания танца и облечь свои слова в форму предложения, а не требования.

– Не желаете ли выйти на свежий воздух, мадам?

– Это было бы чудесно. Терраса там.

Здание располагалось в конце набережной, где мягкий песок постепенно уступал место прибрежным скалам. Во время прилива волны били в нижнюю часть стены, над которой была построена терраса. Будь сейчас ветер, Сара и Луциан сразу промокли бы от долетающих брызг. Но дул только легкий бриз, террасу заливал лунный свет, а ночной воздух казался прохладнее после тепла и духоты бального зала.

Луциан критически оглядел террасу, на которой сидело не меньше полудюжины пар.

– Вижу, здесь достаточно людей, и вашей репутации ничего не грозит, – язвительно буркнул он.

– Здесь почти безлюдно, кроме того, я дорожу своей репутацией, чтобы не приходиться сюда с мужчиной, когда здесь никого нет, мил... мистер Дантон.

– Если ваша репутация выдерживает вашу работу в магазине, леди Сариса, уверен, она выдержит все, что угодно.

– Называйте меня, пожалуйста, Сарой. В других местах это, конечно, невозможно, но Сэндбей не посещает высшее общество, даже самая интеллигентная его часть. Однажды он войдет в моду, и тогда мне придется отказаться от магазина и стать уважаемой на все время или уехать. – Она вздохнула и медленно пошла вдоль перил.

Луциан внезапно ощутил холод. Ему не хватало исходящего от нее тепла.

– Вы не боитесь, что ваш маскарад – превращение в хозяйку магазина – уже нанес непоправимый вред вашей репутации?

Леди Сара остановилась, обернулась и прислонилась спиной к ограждению, облокотившись локтями на перила. Янтарный шелк струился по ее телу, мягко облекая великолепные формы. Луциан не сводил глаз с ее лица, хотя для этого ему приходилось делать над собой усилие, вероятно, заметное со стороны.

– Это не маскарад. Я действительно хозяйка магазина, но не все свое время. – Сара вздохнула. – Я была права относительно вас, мистер Дантон. Вы один из тех людей, которые непоколебимо уверены, что главное в женщине – ее репутация, а плохая и хорошая репутация определяются капризами общества.

– Едва ли капризами. Условности поддерживают моральные нормы и защищают даму от оскорблений.

– Вы считаете, что работа в магазине подрывает мои моральные устои? – Сара, казалось, с интересом ждала ответа на свой шокирующий вопрос. Не дождавшись, она продолжила: – Если бы я содержала шляпный магазин и поощряла блуд своих помощниц, что отнюдь не редкость, тогда я бы с вами согласилась. Но мне кажется, что общество слишком лениво, чтобы судить, не особенно вникая в подробности того или иного случая, и выносить огульные суждения, которые ничего не значат и только пленяют женщин.

– Правила существуют, чтобы защитить женщин, а не пленить их.

– Они не слишком защищают женщин, у которых нет денег и влияния, которые должны зарабатывать себе на хлеб. А для леди они – ловушка. – Голос Сары звучал с убежденной страстью. Она верила в то, что говорила.

А Луциан поверить не мог, что человек может так сильно заблуждаться.

– Защищать леди – обязанность джентльменов. Это дело чести. Вы знаете, что ваш отец и брат сказали бы то же самое, и ваш супруг согласился бы с этим.

– О да, он согласился. В конце.

Ее голос задрожал, и Луциан подумал, что она пытается справиться со слезами. Так это было или нет, но очень скоро она опять перешла в наступление.

– Вы, мужчины, считаете это делом чести, поскольку мы – ваша собственность.

– Леди нуждаются в защите, – чопорно проговорил Луциан. Он подошел к перилам и остановился на расстоянии безопасных шести футов от женщины. Встряхнуть бы как следует это дерзкое создание. Но вряд ли это хорошая идея. Или, может быть, поцеловать? – Как, например, вы сегодня добрались сюда? Улицы и аллеи темны и пусты. Там можно встретить кого угодно.

– Я наняла портшез и двух дюжих молодцев, услугами которых пользуюсь постоянно. Позже они придут и сопроводят меня домой. Но если некий отчаянный разбойник внезапно выскочит из темноты и уложит их обоих, тогда я сама могу себя защитить.

– Интересно, как? Язвительными словами? – требовательно спросил Луциан. Он подошел, остановился перед ней и уперся ладонями о перила, так что женщина оказалась в кольце его рук. – Мужчины сильнее и порочнее, чем вы можете себе представить.

– И уязвимее, – пробормотала она. – Посмотрите вниз, милорд. Острыми могут быть не только слова.

Луциан послушался, поскольку в этот самый момент почувствовал, как что-то уперлось ему в живот. Опустив глаза, он увидел холодный блеск клинка и отметил, что рука женщины, сжимавшая нож, не дрожит. Мужчина замер.

– Где он у вас был?

Глава 4

Улыбка Сары стала озорной.

– В рукаве. Сегодняшняя мода на вечерние платья с длинными рукавами здорово упрощает жизнь. При мне всегда два ножа и три заколки для волос, которые заколками вовсе не являются. А шнур, на котором я ношу свой ридикюль, имеет отличную длину для гарроты. В моем арсенале есть и другое оружие, но я не стану о нем рассказывать. Вдруг понадобится.

– Кто научил вас пользоваться ножом? – Луциан был потрясен. – И гарротой? – Давление на живот в непосредственной близости от его мужского достоинства ослабело, и, когда мужчина снова опустил глаза, нож исчез.

– Моя мать. При индийском дворе леди учили сражаться. В случае проникновения врага в форт они были готовы защищаться и скорее умереть, чем попасть в плен и лишиться чести. Их честь находилась в их руках, вот в чем разница. – Сара улыбнулась. – Мои отец и брат тоже поучаствовали в моем образовании, хотя оба были англичане и желали сами защищать мою честь на дуэли.

– Надеюсь.

– Не будьте так напыщенны, милорд.

В зале снова заиграла музыка, и пары, сидевшие на террасе, отправились танцевать. Через некоторое время Луциан почувствовал, что они остались одни. Оглянувшись, он в этом убедился.

– Вы действительно считаете меня напыщенным? – обиженно спросил он.

Сара кивнула, и ее волосы оказались близко к его лицу.

Луциан наклонился и поцеловал ее. Он уже давно убрал руки с перил, чтобы она могла отступить в сторону, если пожелает, закрыл глаза и целиком отдался наслаждению. Ее руки, в которых уже не было грозного оружия, обвили его плечи, а его руки переместились на более приятное место – женскую талию. Он ощутил восхитительный изгиб бедер и посоветовал себе не торопиться.

Сара была замужем, а значит, познала все чувственные удовольствия брачной постели. Это было ясно по ее откровенным поцелуям, по тому, как она приникла к нему. Целовать ее, прижимать к себе – это было воплощением его фантазий, которые он изо всех сил старался унять с того самого момента, как впервые увидел эту женщину. Точнее, это был первый акт его фантазий. Ему хотелось большего. Он желал получить ее всю, обнаженную, кричащую от страсти в его объятиях, в его постели.

###

Поцелуй Луциана был таким же восхитительным, каким она себе представляла, а его руки, обнимавшие ее, – сильными и нежными. Сара почувствовала пробежавшую по его мышцам дрожь и поняла, что он героически старается сдерживаться. Она могла быть довольна, поскольку совершенно правильно поняла этого человека. Он хотел ее, но он попросит желаемое и не будет настаивать, если получит отказ.

Разрешить поцелуй – это одно, но позволить ему понять, что желания заходят намного дальше – совсем другое. Ей потребовалось сделать над собой усилие, удивившее ее саму, чтобы отстранить Луциана. Очень уж хотелось продлить последнее мгновение близости.

Луциан моментально убрал руки и сделал шаг назад. К сожалению, на террасе было слишком темно, и она не смогла рассмотреть выражение его лица.

– Приношу свои извинения.

– Извинения? – Сара была искренне удивлена. – По-вашему, я должна была сопротивляться? Но ведь я хотела, чтобы ты меня поцеловал.

– Почему? – спросил он.

Сара поняла, что в этот момент свет фонаря падает прямо ей на лицо и Луциан внимательно его изучает.

– Потому что ты привлекательный мужчина, потому что меня уже давно никто не целовал, и, кроме того, я любопытна.

– Теперь твое любопытство удовлетворено? – сухо поинтересовался Луциан.

– Полностью. Спасибо.

Он слегка подвинулся, и теперь свет упал на нижнюю половину его лица. Сара заметила слабую улыбку на чувственных губах, которые только что ее целовали.

– И что дальше?

– Ничего. Я знаю, почему ты здесь инкогнито, и я знаю, как ты целуешься.

– Ты знаешь почему... Но откуда? – С его лица моментально исчезли все чувства, кроме страха.

– Просто Дот знает, что такое потерять ребенка.

Луциан с шумом втянул в себя воздух. Звук не заглушили даже бьющиеся о стену волны.

– Никто из нас не выдаст ее тайну. Не думаю, что кто-то еще догадается. Люди могут только обратить внимание на ее болезненную худобу и грусть. – Луциан промолчал, и Сара решила продолжить: – Маргарет повезло, что она может рассчитывать на твою поддержку.

Таинственный маркиз пожал плечами.

– Я чувствую себя абсолютно беспомощным. Не знаю, чем ей помочь, как достучаться до нее. Она отвергает все, что я ей предлагаю.

– Тебе придется дать ей время. Пойми, она скорбит. – Из бального зала послышались аплодисменты. Закончился еще один танец. – Мы не можем больше здесь оставаться. Люди заметят. Магазин завтра утром будет закрыт. Приходи. Мне бы хотелось помочь Маргарет, если я, конечно, смогу. Любящий брат – это прекрасно, но, думаю, ей нужна женщина, с которой она сможет поделиться самым сокровенным.

Луциан переступил с ноги на ногу.

– То, что произошло здесь сегодня...

– Это момент слабости, который больше не повторится? Разумеется, не повторится. Я же говорила, всему виной мое проклятое любопытство, и я вовсе не стремлюсь к любовной связи. Кроме того, ты же не захочешь, чтобы рядом с твоей сестрой находилась женщина, с которой у тебя связь. Разве не так?

Его ответом стало холодное молчание. Даже интересно, куда подевалось его восхитительное тепло? Сара подхватила юбки и направилась к боковой двери.

– Я пойду в комнату отдыха для дам. Будет лучше, если нас больше не увидят вместе.

Что ж, неудивительно, что он к ней так быстро охладел. Она подавала знаки, что доступна, а потом пошла на попятную. Маркиз, наверное, подумал, что она отчаянная кокетка или, еще хуже, любительница возбудить мужчину, не имея намерений продолжать. Обе возможности заставили Сару покраснеть.

Комната, выделенная для отдыха дам – здесь они могли привести в порядок прическу или макияж, – оказалась – хвала Всевышнему! – пустой. Сара села за туалетный столик и занялась прической.

«Чего ты ждала?» – спросила она саму себя, но ответа не получила. Сара испытывала смущение, душевный дискомфорт, но предаваться этим бесполезным чувствам – пустая трата времени. Ей надо было разобраться в самой себе. Ей хотелось повторить момент безумия, снова ощутить прикосновение мужских губ к ее губам, как подтверждение того, что она еще

не достигла возраста, когда думать о сексе нет никакого смысла. Судя по всему, Луциан предположил, что ей нужно больше, возможно, полноценная связь.

А может быть, ей необходимо именно это? Она не ожидала, что испытает рядом с ним такое острое физическое желание. С Майклом все было замечательно. Она его любила, а он был нежен и внимателен. Сейчас, оглядываясь назад, Сара предположила, что он был, пожалуй, слишком внимателен. Женщины, болтая о сексе, всегда называли его волнующим, возбуждающим, грандиозным. По опыту Сары, секс был приятным, иногда волнующим, и интимная близость и доверие определенно крепче привязали ее и Майкла друг к другу. Но что касается возбуждающего и грандиозного... Сегодняшний поцелуй оказался возбуждающим. У нее даже пальцы ног свело. Но, может быть, это потому, что ее целовал не муж, а посторонний мужчина.

Маркиз Кэннок, вне всяких сомнений, был привлекателен, и он интересовался ею. Эта мысль возбуждала. Но он принадлежал именно к той категории мужчин, общения с которыми она всегда избегала. Такие господа всегда желают собрать всех окружающих их женщин под защитный колпак чести и контролировать их, пусть даже не деспотично, а весьма благоклонно. Мечты и эротические сновидения – еще не повод связываться с женщиной, за которую она не намеревалась выйти замуж.

Сара нахмурилась, глядя на себя в зеркало. Она только оправилась после смерти Майкла, и не настолько она безумна, чтобы растрчивать эмоции на мужчину, так не похожего на ее покойного супруга и такого опасного. Хотя тот факт, что ее привлек мужчина – хороший знак. Он говорит о ее возвращении к нормальной жизни после долгого траура. Вот и все. Сейчас надо думать не о себе, а о Маргарет. Вот кому действительно нужна срочная помощь.

###

Следующим утром Луциан медленно поднимался вверх по склону к «Раковине Афродиты». С тех пор как ему исполнилось восемнадцать, он ни разу не испытывал такой неуверенности, связанной с женщиной. Леди Сара... Нет, миссис Харкур. Ведь сейчас день, а она, похоже, меняет обличье, когда ночь сменяет день и утром возвращает прежнее. Колдовское создание. Зато ее нельзя назвать нескромной, неосторожной или равнодушной. Как бы она ни относилась к нему после того поцелуя, она не причинит зла его сестре. Но чем был этот поцелуй? Сара, безусловно, имеет некоторый сексуальный опыт, но расценила поцелуй, как мгновение отступления, а не приглашение к настоящей связи, коим он его посчитал.

Похоже, она действительно чувствена. Красива, свободна и одновременно чиста? Луциан потянулся к двери с табличкой «Закрыто» и постучал.

Дверь открылась, и на пороге возникла миссис Фэруэлл собственной персоной. Прежде чем пригласить его войти, она вышла на улицу и немного потопталась у магазина. Луциан понял: она показывает всем, кто может стать свидетелем его прихода, что миссис Харкур не одна.

Луциан считал себя опытным, даже искушенным в вопросах взаимоотношений между женщиной и женщиной. Поэтому он сам удивился тому, что ожидал новой встречи с Сарой с замиранием сердца. Сара с самого начала застала его врасплох, выбила из привычной колеи, лично не сделав для этого ничего. Он сам шагал от одного заблуждения к другому – о ее личности, моральном облике, доступности. И всякий раз ошибался.

– Леди Сара на балконе, – сообщила миссис Фэруэлл и указала ручищей в сторону почти незаметной двери в задней стене. – Я приготовлю чай. Думаю, вы захотите немного перекусить. Мужчины никогда не отказываются от еды. – Низведя маркиза до уровня маленького мальчика, охочего до сладостей, она вышла.

Луциан постучал в указанную ему дверь, открыл ее и очутился над морем. Он едва сумел скрыть инстинктивное желание ухватиться за стену, закрыл дверь и напомнил себе, что холм,

на который поднимается улица, – это на самом деле прибрежная скала, и дома на этой стороне улицы находятся на ее краю. Магазин Сары и еще несколько домов имели просторные балконы.

– Доброе утро. Вижу, ты не боишься высоты. – Леди Сара стояла, облокотившись об элегантные, но пугающе тонкие перила. Луциан подошел, взглянул вниз и попытался в зародыше задавить то крайне неприятное чувство, которое в свое время испытал, следуя по альпийским перевалам. Ему очень хотелось оттащить Сару от края балкона – подальше от опасности.

– Ты тоже. – Сара улыбнулась, наклонила голову, и тяжелая копна волос, которые она ничем не закрепила, соскользнула с ее плеча и повисла над бездной.

– Не очень боюсь, но не люблю, – буркнул он. – Стараюсь не поддаваться.

– Помогает? Или ты знаешь, как побороть страх? Лично я до потери сознания боюсь змей; правда, в Индии полно змей, большинство из них смертельно ядовитые – устанешь бояться... Знаешь, я впервые встречаю мужчину, готового признать, что он чего-то опасается.

– Считаешь это признаком слабости?

– Нет, конечно нет. – Она выпрямилась, став совершенно серьезной. – Считаю признаком честности, хотя это меня немного удивляет.

– Все зависит от того, о чем идет речь и кому адресовано признание. Я никогда не признаюсь в слабости – любой слабости – мужчине или тому человеку, который, по моему мнению, желает причинить мне вред. Последнее было бы глупо, все равно что указать взломщику, где лежат ключи. Кстати, если я действительно чего-то боюсь и не могу с этим справиться, сомневаюсь, что сумею признаться в этом тебе или кому-то другому.

– Мужчина, вызывающий соперника на дуэль или принимающий вызов, боится, разве нет? – спросила Сара.

– Только глупец не боится смерти. Солдат, идущий в бой, тоже испытывает страх. Главное – не показать его, обуздать его, заставить усилить его рвение, а не помешать. А почему ты спросила про дуэль?

– Ты ведь вызвал на дуэль отца ребенка Маргарет?

– Нет, пока нет, – признался он. – Я хочу сказать, что я пока не смог найти этого негодяя.

– Разве она не сказала, кто он и где находится?

– О, я отлично знаю, кто он. Я доверял ему. Он некоторое время работал у меня. А в благодарность совратил мою невинную сестру и бросил ее, узнав, что она беременна. Она отрицает это, уверяет, что с ним что-то случилось. Но он сбежал от нее, в этом у меня нет никаких сомнений.

– Бедная девочка. У нее, должно быть, разбито сердце. Это ужасно – потерять и любимого человека, и ребенка.

– Ей повезло, что она избавилась от чертова негодяя, – в сердцах проговорил Луциан и вздрогнул, поскольку на балкон выплыла Дот с чайным подносом.

– За языком надо следить, – отметила она, окинув мужчину многозначительным взглядом.

– Спасибо, Дот, все чудесно. – Сара подмигнула гостю и потянулась к чайнику. – Чаю, милорд? Прошу вас, попробуйте булочку.

Луциан скрипнув зубами, криво улыбнулся. А миссис Фэруэлл строевым шагом вышла с балкона, снова оставив их наедине.

– Расскажи мне, если можешь. Не сомневайся, я умею хранить тайны. – Сара протянула ему чашку и устроилась в ротанговом кресле.

Луциан некоторое время рассматривал булочки, решил, что, проигнорировав их, он причинит вред только себе, и щедро намазал одну клубничным джемом.

– Я взял Грегори Фарнсуорта на должность секретаря. Это было восемнадцать месяцев назад. Он, третий сын нашего викария, только что закончил университет. Парень показался мне умным, трудолюбивым, харизматичным. Я стал приглашать его на обеды и другие меро-

приятия, когда нужен был дополнительный мужчина. Очень скоро он стал почти членом семьи. Я доверял ему во всем. – Луциан откусил большой кусок булочки с джемом, одобрительно кивнул и продолжил рассказ.

Отец всегда говорил ему: какие бы сомнения ты ни испытывал, какие бы ошибки ни совершал, всегда держи эти сведения при себе. Помни, кто ты и какое положение занимаешь. И вот он сидит на балконе у почти незнакомой женщины, пьет чай и выбалтывает ей все подробности своей главной жизненной неудачи.

– Маргарет не было семнадцати, – продолжил Луциан. – Она еще не выходила в свет, но уже избавилась от гувернанток, и ею занималась моя кузина Мэри. Девочка должна была приобрести некоторый лоск, чтобы дебютировать в следующем сезоне. Мэри не заметила, что между ними что-то происходит. Я тоже. Глупец! Все открылось, когда этот щенок однажды утром заявил, что влюблен в Маргарет, она отвечает ему взаимностью, и он просит моего разрешения на официальную помолвку. А поженятся они, когда ей исполнится восемнадцать.

– Сколько ему было лет?

– Двадцать один.

– Не такая уж большая разница в возрасте. Ничего необычного. Надо было только дождаться ее восемнадцатилетия.

– Но ведь он не стал ждать! Он заставил девочку поверить, что она влюблена в него, и не пожелал соблюдать дистанцию до ее дебюта. Кстати, забыл сказать, что проклятый юнец удивительно красив: светлые волосы, голубые глаза, классический профиль и все такое. В его внешности не было ни одного изъяна!

– То есть ты не дал ему разрешения.

– Конечно нет! Маргарет была слишком юной. А у него не было ни перспектив, ни денег – кроме той зарплаты, которую я ему платил. Как он собирался обеспечить дочери маркиза достойный уровень жизни? Не иначе как за мой счет.

– Возможно, Маргарет была бы рада жить скромнее? – задумчиво проговорила Сара. – А если он хороший секретарь, то мог бы сделать карьеру на государственной службе или в Английском банке.

– Это еще большой вопрос. Короче, я отказал ему и предупредил, что если застану его наедине с моей сестрой или узнаю, что он ей пишет, то сломаю ему шею. Мне надо было тогда же выгнать его из дома, но его отец, викарий, честнейший человек, был старым другом моего отца. Не хотелось его огорчать. Тогда я решил поговорить с Маргарет. Выяснилось, что я бесчувственный негодяй, желающий сломать ей жизнь, что я возвожу напраслину на благородного человека, которого она любит и так далее. В конце концов, она швырнула в меня чернильницу.

– Продолжай. – Сара налила еще чаю.

Луциан и не заметил, что его чашка пуста.

– Я понятия не имею, как ему это удалось, но Фарнсуорт, вероятно, совратил ее сразу после моего запрета. Если не раньше. Я обо всем догадался, только когда отыскал ее и узнал от доктора, какой у нее срок беременности. Ровно через два месяца после моего разговора с Фарнсуортом как-то утром ко мне в кабинет ворвалась кузина Мэри. Она рыдала, размахивая запиской от Маргарет. Она заявила, что я вынудил сестру пойти на отчаянные меры, та бежала со своим возлюбленным и теперь, вероятно, находится на полпути в Шотландию.

Глава 5

Сара не сводила с маркиза тревожных глаз.

– Они направились в Шотландию?

– Нет, это был блеф! – Луциан решительно изгнал воспоминания о кошмарной поездке до границы и обратно. Только способность избавляться от ненужных мыслей и сконцентрироваться на выполнении конкретной задачи помогла ему тогда сохранить рассудок и в конце концов напасть на след беглецов. – Он отвез ее в Бельгию, в Брюссель, вероятно рассчитывая, что там можно будет найти английского священника, который их обвенчает. Священника они не нашли. Когда я, наконец, напал на их след, выяснилось, что никто не стал их венчать из-за возраста невесты. Судя по всему, они решили попытать счастья в Париже. После Ватерлоо на континенте много англичан, и вполне можно было рассчитывать найти не слишком шепетильного служителя англиканской церкви. Таковой вроде бы обнаружился в Лионе. К этому времени у них закончились деньги. Маргарет была уже на шестом месяце. Фарнсуорт оставил ее в меблированных комнатах, сказав, что идет договариваться со священником, и больше не вернулся. Можешь представить, в каком состоянии я ее обнаружил тремя днями позже.

– Да уж. – Сара накрыла его руку своей. – Должно быть, ты был вне себя от беспокойства и усталости, преследуя беглецов по всей Англии, Бельгии и Франции.

– Я? Да какая разница, что я тогда чувствовал? Я обнаружил мою сестру – мою маленькую сестричку, – когда у нее произошел выкидыш в грязных французских меблированных комнатах, хозяйка которых грозилась выбросить ее на улицу, если она немедленно не заплатит. Спасти ребенка было невозможно, и много дней я думал, что потеряю и Маргарет тоже. Когда же, наконец, доктор сказал, что опасность миновала, я вздохнул с облегчением, а она отвернулась к стене и проговорила: «Он, наверное, умер. Они оба мертвы. Я тоже хочу умереть».

Маргарет – его единственная семья. Он любил ее и не сумел уберечь.

– С тех пор ты его ищешь? Давно?

– Три месяца.

– Твоя мать жива? Может быть, есть другие родственницы-женщины, способные помочь? Как насчет кухни Мэри? – Рука Сары все еще лежала на его руке. Ее пальцы были теплыми и дарили успокоение.

– Моей матери нет в живых, а тетушкам я не доверяю. Они не станут помогать. Они будут шокированы и осудят ее. Мэри, когда все это случилось, устроила истерику. Мне с трудом удалось убедить ее молчать. Понимаю, что я должен был жениться, унаследовав титул. Будь у меня хорошая жена, она бы заметила то, что не видел я. Но я отложил это мероприятие на потом, считая, что у меня достаточно времени.

Еще одна роковая ошибка! Его эгоистичное нежелание отправиться на рынок невест и попытаться обнаружить среди безликой массы одинаковых, одетых в платья пастельных тонов, жеманных мисс спутницу жизни привело к необратимым последствиям.

– Я решил, что будет лучше отвезти Маргарет туда, где ее никто не знает и никто не станет сплетничать о ее нездоровье и хандре. Когда она поправится, мы вернемся в Лондон. Она дебютирует в следующем сезоне и, надеюсь, найдет себе мужа. Если ей кто-нибудь понравится, я позабочусь, чтобы ее приданое было достаточно большим, и муж закроет глаза на ее прошлое.

– Но она не перестанет оплакивать Грегори, – запротестовала Сара. – Через такое короткое время она еще не будет готова принять другого мужчину.

– Он соблазнил ее, обманул и бросил. Почувствовав себя лучше, она поймет, что ей здорово повезло.

– Идиот! – Сара убрала руку и вскочила. – Я почти не знаю твою сестру, но вижу, что она далеко не глупа. И у нее чуткое сердце. Ей пришлось держать все свои чувства при себе,

поскольку не с кем было поговорить. Как, по-твоему, она осознает, что ошиблась? Как она сможет убедить тебя, что никакой ошибки не было? Если она по-настоящему его любит, тебе придется выяснить, что случилось. Только тогда она начнет выздоравливать.

– Веря, что негодяй еще жив, я бы преследовал его с пистолетом наготове. – Луциан тоже вскочил.

Теперь они стояли лицом к лицу на узком балконе. О своем страхе высоты Луциан благополучно забыл.

– Очень полезно! – Сара больно ткнула его в грудь длинным пальцем – Что, по-твоему, она должна делать, если ее брат убьет человека, которого она любит? – Она снова ткнула его пальцем. – Сейчас ты думаешь вовсе не о ней, разве нет? Весь этот пафос и ярость только из-за твоей пресловутой чести. Ты уверен, что не защитил ее. Ты оказался несостоятельным в роли сторожевой собаки и теперь стремишься любой ценой повысить свою самооценку.

– Но я действительно не защитил ее, хотя это мой долг. И перестань наконец тыкать в меня пальцем! – Луциан схватил ее за руку, прежде чем ее ноготь пришел в соприкосновение с его телом в третий раз.

– Почему? Хотя ты прав. Тебя надо не пальцем ткнуть, а стукнуть по голове чайным подносом! Тебя и каждого бестолкового, кровожадного, помешанного на чести, мужчину.

Только теперь Луциан заметил, что его собеседница не просто зла. Она на грани истерики. Слезы сверкали в ее глазах, делая их похожими на два больших лунных камня. Она, досадливо поморщившись, смахнула слезы тыльной стороной руки, а Луциан обнял и прижал ее к груди.

– Не плачь. Прости меня, Сара. Только не плачь. – Он сам не понял, за что извиняется, но чувствовал себя отвратительно, как будто ударил ее.

Она наступила ему на ногу и решительно оттолкнула.

– Пусти меня! Я не плачу. Я никогда не плачу! Я зла, как сто чертей!

Луциан отпустил ее и достал из кармана носовой платок, понимая, что она, вероятнее всего, швырнет его ему в лицо. Наконец его мозги заработали, и кусочки головоломки начали собираться в целостную картину.

– Как умер твой муж?

– Он был убит на дуэли. На беспричинной глупой дуэли со своим лучшим другом, который сейчас где-то там... – Она махнула рукой в сторону Франции. – Теперь его жизнь сломана, и смерть Майкла на его совести.

– Как это случилось?

– Они были пьяны, и Фрэнсис, у которого были совершенно безобидные нежные чувства ко мне, начал дразнить моего мужа. Я была уверена, что Майкл выше всей этой глупой патриархальной чепухи о защите женской чести на дуэли. Видимо, пьяный Фрэнсис зашел слишком далеко. Короче, я не знаю, что там было сказано. В оставленном для меня письме Майкл написал, что ни на секунду не усомнился в моей верности. Но тогда зачем нужна была эта проклятая дуэль? Фрэнсис в пьяном угаре мог сказать лишнее. Но за это не убивают. Мне потом сказали, что Фрэнсис целился в сторону, но он всегда был безнадежным мазилой.

– Боже мой. – Луциан вложил ей в руку платок. Сара несколько секунд таращилась на него, словно не зная, для чего предназначена эта вещица, потом вытерла глаза.

– Полагаю, ты думаешь, что он поступил правильно? Мой отец и брат, которых ужаснула его смерть, определенно понимали, почему он бросил вызов другу.

– Что еще он мог сделать, если его жену оскорбили?

– Ты не понимаешь? Давай подумаем вместе. – Ее голос излучал сарказм. – Дождаться, когда они оба протрезвеют. Потребовать от Фрэнсиса объяснений. Дать ему в глаз. Может быть, действовать как разумный человек, каковым он и был? – Сара отвернулась и устремила взгляд куда-то вдаль. – Ты можешь себе представить, что ощущает женщина, когда тот, кого ты

любишь, позволяет себя убить и оставляет письмо, где пишет, что сделал это ради тебя. Чудовищное чувство вины валит с ног, давит, растаптывает. Представь, что почувствует Маргарет, если родной брат убьет ее любимого ради нее.

– Грегори Фарнсуорт должен понести наказание.

– Если он жив, если он действительно бессердечный соблазнитель, тогда да, он заслуживает наказания. Но ты не судья и не палач, Луциан. – Сара обернулась, несколько секунд всматривалась в лицо собеседника и горько усмехнулась. – Вижу, я тебя не убедила.

– Меня потрясло то, что случилось с тобой, пусть обстоятельства и совсем другие. – Он взял чайник и наполнил чашки. – Присядь и выпей чаю.

– Разумеется, мы же англичане, не правда ли? Чай делает терпимым все, что угодно. – Сара опустила на стул, внешне совершенно спокойная, и взяла чашку. – Вопрос в том, что Грегори нигде нет и тебе даже неизвестно, жив ли он. Когда мне было плохо, лучше всего помогали беседы с близкими друзьями. Давай посмотрим, захочет ли Маргарет поговорить со мной.

Луциан во все глаза смотрел на женщину – уравновешенную, собранную, красивую. Но сколько же горя и гнева таится под этой изысканной внешностью! Луциан хотел ее. Только теперь он осознал этот простой факт со всей очевидностью. Он желал снова почувствовать ее вкус, обнять ее, сорвать с нее одежду, овладеть ею. Сила собственного желания потрясла его. Зачем ему это, если он обязан думать только о благе своей сестры! Тем более что женщина, которую он желал, до сих пор горевала об утрате мужа. Должно быть, его мужское начало чрезвычайно сильно, если он способен мечтать о сексе даже в таких серьезных обстоятельствах.

В конце концов, он сумел сказать только одно:

– Спасибо. Я тебе доверяю.

Луциан был прав, поверив, что она сделает для Маргарет все возможное, однако он глубоко ошибался, если решил, что она поможет ему покарать неверного любовника, тем более если девушка продолжает его любить. Сара пила чай, глядя на море, и краем глаза наблюдала за Луцианом. Пожалуй, он храбрый человек, если не сбежал, когда она обрушила на него всю боль и гнев из-за нелепой смерти Майкла.

Она никогда не забудет Майкла, никогда не перестанет любить его, чувствовать гнев за то, что он вызвал на дуэль Фрэнсиса, равно как и свою вину... Но она обещала себе не заикливаться на своей вине, чтобы не сойти с ума. Теперь она – совершенно другая женщина, новая Сара, которая должна решить, чего она хочет сегодня. И завтра.

– Ты так глубоко задумалась...

– Я думала о будущем, о том, что произойдет, когда я уеду отсюда. Весь прошедший год магазин значил для меня очень многое. Он был чем-то совершенно отличным от всего, что у меня было раньше. Это была творческая работа. Я сумела построить бизнес, который стал мне интересен. Один мой индийский дедушка был купцом. Вероятно, от него мне передались некоторые способности к предпринимательству.

Чувствуя смутную тревогу, Сара поставила чашку, подошла к перилам и стала смотреть на воду. Начиная отлив, и несколько рыбацких лодок направлялись в море. Разноцветные паруса казались необычайно яркими на фоне голубой воды.

– Сэндбей меняется. Городок быстро развивается. Думаю, что еще год я смогу вести здесь свою двойную жизнь, а потом стану местной диковиной.

Луциан тоже встал, подошел к перилам и остановился рядом с ней. Он, как и она, положил руки на перила. Их мизинцы соприкоснулись – ее правый и его левый. Сара ощутила покалывание – как от кошачьей шерсти в грозу. Интересно, ощутил ли он это тоже? Рука мужчины медленно переместилась, накрыла ее руку, и большой палец стал нежно ласкать запястье. О да, он почувствовал.

– Сара, прошлой ночью ты сказала, что любопытна. Ты и сейчас испытываешь любопытство?

– Да, – призналась она и закрыла глаза, поскольку мир вокруг исчез. Остались только восхитительные ощущения от его незамысловатой ласки, осознание того, что рядом с ней мужчина, нежное дуновение морского бриза, холодящее кожу... – Но...

– Ах, значит, есть но.

– Ты не позволишь любовнице общаться со своей сестрой, а сегодня мы говорим именно о ней. Я говорю не о случайном поцелуе, а о настоящей связи.

– Я хочу именно этого.

Глядя на воду, Сара слышала голос Луциана, но не видела его лица и поэтому отдалась ощущениям. Да, он хочет ее. Да, он имел в виду любовную связь. И нет, он не предлагает ей ничего другого. Да, он не допустит контакта своей любовницы с сестрой, так же как не допустил бы ее контакта с матерью, будь та жива.

Издали послышался крик чайки. После затянувшейся паузы Луциан заговорил:

– Ты, конечно, права относительно Маргарет. Сейчас ее проблемы главные.

Он хочет поцеловать ее. Сара почувствовала это раньше, чем его тело пришло в движение и теплое дыхание коснулось ее губ. Луциан обнял женщину и прижал к себе. Она сразу почувствовала его возбуждение. Это было уже не любопытство и не флирт, зашедший чуть дальше, чем принято. Это был обмен желаниями и потребностями, после которого не будет ничего, и они оба это знали.

Один из них должен остановиться, и Сара решила, что лучше, если это будет она. Она прижалась щекой к груди Луциана, несколько секунд послушала, как сильно и ровно бьется его сердце, представила их обоих рядом в постели и решительно выбросила фантазии из головы.

Почувствовав, что ее больше не обнимают крепкие мужские руки, Сара открыла глаза. Луциан уже шел к двери.

– Мы весь день будем в отеле. Маргарет будет рада поговорить с тобой. Спасибо... за чай.

Маргарет сидела у окна в гостиной и увлеченно что-то рисовала, когда пришла Сара. Ей потребовалось около часа, чтобы сначала взять себя в руки, а потом обдумать, как лучше приблизиться к девушке. Она подошла и по достоинству оценила пейзаж, который Маргарет запечатлела в альбоме.

– Как дела с рамкой для зеркала из ракушек?

– Сохнет. Там. Мне нужны еще мелкие ракушки, чтобы сделать ободок вокруг зеркала. Вы сегодня видели Луциана?

Что это? Вопрос со скрытым смыслом или обычная попытка поддержать беседу? Сара ответила правду, стараясь, чтобы ее голос звучал небрежно.

– Он заходил в магазин утром – сказал, что вы весь день будете дома. А ты не хочешь прогуляться по пляжу? Мне нужно собрать немного водорослей. И погода прекрасная.

– Да, наверное, хочу, если это безопасно. Понимаете, я не умею плавать, и волны меня пугают. Что мне надеть? – Маргарет хмуро оглядела свое прелестное утреннее платье с украшенным оборками подолом.

– Мы не станем делать ничего опасного, обещаю. Надень что-нибудь хлопковое, такое, как ты бы надела дома в деревне, собираясь на прогулку в сад, чтобы нарвать цветов. То, что тебе не будет жалко, если на платье попадет песок или морские брызги. И никаких чулок. Только старые удобные туфли.

Отлив продолжался, и Сара быстро шла по берегу к подножию скалы, где обнажившееся дно было твердым, ровным и песчаным.

– Если мы обойдем этот небольшой мыс, то окажемся в Белл-Бей. Это красивое и уединенное место. В городе поговаривают о том, чтобы проложить вокруг мыса хорошую дорогу и сделать его купальней для дам, куда не будут допускаться мужчины. Застенчивые дамы почувствуют себя лучше.

Сара продолжала без умолку болтать о городских делах, пока они не обошли мыс. После этого она села на низкий камень, сняла туфли и опустила ноги в воду.

– Советую сделать то же самое. Туфли можно оставить на камне и погулять по воде или по песку. Разве это не приятно? Кроме того, ходьба по песку очень полезна для ног.

Маргарет поморщилась, ощутив холодную влагу под ногами, но почти сразу улыбнулась. Это была первая широкая довольная улыбка, которую Сара увидела на ее лице.

– На самом деле приятно. А если я начну шевелить пальцами, песок меня засосет?

– Здесь нет зыбучих песков. Ты в полной безопасности. А если мы пройдем по песку к тем скалам, то сможем исследовать оставшиеся после отлива мелкие водоемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.